

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления»

Обучающийся

Э.С. Костина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Субъект преступления, как уголовно-правовая категория, по праву, без какого-либо преувеличения, считается одной из базовых. От того, насколько точно и непротиворечивого будет осуществлено нормативное закрепление признаков субъекта преступления, во многом зависит эффективность привлечения виновных к ответственности.

Следует положительно оценить шаги законодателя в направлении усиления противодействия преступности в организованных формах, что выразилось в ряде законодательных новелл, связанных с обеспечением возможности привлечения к уголовной ответственности отдельной категории специальных субъектов преступления: лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Конструкция введённого в Особенную часть УК РФ состава преступления, а также подход законодателя к определению, так называемого, лидера преступной иерархии, выступающего специальным субъектом преступления, продолжают оставаться остродискуссионными, что свидетельствует о достаточной актуальности и высокой практической значимости данной темы работы.

Цель работы: произвести комплексный анализ категории «лидер преступной иерархии», применительно к специальному субъекту отдельных составов преступлений.

Проблемы, связанные с привлечением к уголовной ответственности лидеров преступной иерархии, актуализируются в работах ряда учёных. Стоит обозначить вклад в разработку анализируемого спектра проблем таких авторов как: П.В. Агапов, В.К. Дуюнов, С.Г. Келина, Н.В. Сальников, С.В. Кондратюк, А.Н. Мондохонов, Г.В. Пережогина и других.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика категории «субъект преступления»	7
1.1 Уголовно-правовое понятие и значение категории «субъект преступления»	7
1.2 Взаимосвязь субъекта преступления с другими элементами состава преступления.....	17
Глава 2 Анализ признаков общего и специального субъекта преступления в российском уголовном праве	24
2.1 Характеристика признаков общего субъекта преступления	24
2.2 Понятие специального субъекта преступления в российском уголовном праве	34
Глава 3 Проблемы, связанные с определением понятия и привлечением к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления	40
3.1 Историко-социальные основания правовой регламентации статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	40
3.2 Понятие лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления.....	46
3.3 Проблемы привлечения к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления.....	51
Заключение	59
Список используемой литературы и используемых источников	64

Введение

Актуальность исследования. Субъект преступления, как уголовно-правовая категория, по праву, без какого-либо преувеличения, считается одной из базовых, в контексте квалификации широкого круга преступлений, предусмотренных в нормах действующего Уголовного кодекса Российской Федерации [65] (УК РФ).

Этот вывод предопределён тем, что именно субъект преступления выступает центральным элементом состава преступления, как единственного основания уголовной ответственности. От того, насколько точно и непротиворечиво будет осуществлено нормативное закрепление признаков субъекта преступления, во многом зависит эффективность привлечения виновных к ответственности и назначения справедливого наказания за содеянное, в общем контексте противодействия преступности в самых разнообразных её формах.

Следует положительно оценить шаги законодателя в направлении усиления противодействия преступности в организованных формах, что выразилось в ряде законодательных новелл, связанных с обеспечением возможности привлечения к уголовной ответственности «лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии – статусных преступных лидеров, представляющих особую общественную опасность» [24, с. 3], как подчёркивается С.В. Кондратюком.

Конструкция введённого в Особенную часть УК РФ состава преступления, а также подход законодателя к определению, так называемого, лидера преступной иерархии, выступающего специальным субъектом преступления, продолжают оставаться остродискуссионными, что свидетельствует о достаточной актуальности и высокой практической значимости данной темы работы.

Цель исследования: произвести комплексный анализ категории «лидер преступной иерархии», применительно к специальному субъекту отдельных составов преступлений.

Задачи исследования:

- сформулировать уголовно-правовое понятие и определить разноплановое значение категории «субъект преступления» в российском уголовном праве;
- обозначить взаимосвязь субъекта преступления с другими элементами состава преступления (объектом, объективной и субъективной стороной преступления);
- дать подробную характеристику признаков общего субъекта преступления;
- сформулировать понятие специального субъекта преступления в российском уголовном праве;
- обозначить историко-социальные основания правовой регламентации статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии;
- определить понятие лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления;
- рассмотреть проблемы привлечения к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления;
- сформулировать выводы и предложения, направленные на совершенствование существующего нормативного регулирования.

Объект исследования: общественные отношения, связанные с нормативной регламентацией ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Предмет исследования: положения действующего уголовного законодательства, а также данные судебной практики, связанные с привлечением к уголовной ответственности лидеров преступной иерархии.

Методология исследования: в основе проведенного исследования лежит комплекс общих и частных методов современного научного познания: всеобщий диалектический метод познания, историко-правовой метод, метод структурного анализа правовых норм и т.д.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с привлечением к уголовной ответственности лидеров преступной иерархии, актуализируются в работах ряда учёных. Стоит обозначить вклад в разработку анализируемого спектра проблем таких авторов как: П.В. Агапов, В.К. Дуюнов, С.Г. Келина, Н.В. Сальников, С.В. Кондратюк, А.Н. Мондохонов, Г.В. Пережогина и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1. Общая характеристика категории «субъект преступления»

1.1 Уголовно-правовое понятие и значение категории «субъект преступления»

Категория «субъект преступления» – выступает одной из важнейших, поскольку касается определения того, кто именно может нести ответственность за совершение противоправного уголовно наказуемого деяния, запрещённого действующим УК РФ.

Именно субъект преступления, в конечном итоге, претерпевает весь комплекс последствий реакции государства на совершённое противоправное посягательство, именно субъект преступления подвергается уголовному преследованию, что предопределяет базовый характер данной категории в общем контексте правовой конструкции, именуемой составом преступления.

Правовое закрепление понятия «субъект преступления» в положениях уголовного законодательства не произведено, что вызывает сожаление. В определённой мере, оно обозначено в ст. 19 УК РФ: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом».

Но по сути, данная правовая конструкция содержит указание на признаки, но не конкретное обозначение исследуемой категории.

Более того, законодатель в нормах УК РФ не пользуется термином «субъект преступления», однако в нем постоянно используются обороты «виновный» (ч. 1 ст. 24 УК РФ, ч. 1 ст. 43 УК РФ и т.д.), «осужденный» (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 2 ст. 46 УК РФ и т.д.), «лицо, совершившее преступление» (ч. 2 ст. 57 УК РФ, ст. 75 УК РФ и т.д.), «лицо, признанное виновным в совершении преступления» (ч. 1 ст. 60 УК РФ, ч. 1 ст. 65 УК РФ и т.д.)

Тем не менее, на протяжении многих лет, данный оборот применяется в науке и по праву занимает важное место в исследовании вопросов квалификации различных преступных посягательств – как

предусматривающих ответственность, так называемого, «общего субъекта преступления», так и деяний, предполагающих «специального субъекта преступления», как например, «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии».

Тем не менее, невозможно вести речь о специальном субъекте преступления, не определив содержание и значение категории общего субъекта преступления.

Исследуемое понятие имеет разные аспекты, но применительно к индивиду в Словаре русского языка, понимается как: «носитель определённых свойств» [40, с. 675].

О каких же именно свойствах, говоря о субъекте преступления, можно вести речь? Очевидно, что подразумеваются те качества и характеристики индивида, которые связаны с возможностью нести уголовную ответственность за содеянное.

А. Ялин считает, что «поскольку в ст. 19 УК РФ сформулировано определение субъекта преступления и данная норма имеет наименование «Общие условия уголовной ответственности», то можно сделать обоснованный вывод о том, что категория «субъект преступления» представляет собой непосредственно условие уголовной ответственности, а не элемент состава преступления» [73, с. 51].

Конкретизация таковых признаков осуществляется федеральным законодателем в нормах главы 4 Общей части УК РФ: «Лица, подлежащие уголовной ответственности».

Тем не менее, следует констатировать, что вышеназванная глава уголовного закона не содержит полноценного и достаточно общего комплекса признаков субъекта преступления, что затрудняет научное толкование соответствующего понятия и не идёт на пользу правоприменению.

Для целостного понимания содержания категории субъекта преступления возникает потребность соотносить нормы Общей и Особенной части УК РФ, что создаёт определённые объективные сложности толкования.

Вышеназванная глава содержит лишь наиболее общие признаки, позволяющие при квалификации абсолютно любого противоправного посягательства определить, может ли, конкретное лицо, в принципе, нести уголовную ответственность? Если соответствие признакам, сформулированным в ст. 19-21 УК РФ в наличии, то предварительный вывод о такой возможности может быть сформулирован.

Однако, для последовательной конкретизации возможности привлечения определённого лица к уголовной ответственности, необходимо исходить из содержания соответствующей статьи, включённой в Особенную часть УК РФ.

В том случае, если особенная часть, предусматривающая ответственность за инкриминируемое преступное деяние, не содержит дополнительных субъектных критериев, то имеет место, так называемый, «общий субъект преступления» (отвечающий лишь тем свойствам, которые определены в главе 4 УК РФ).

Дело в том, что отдельные составы преступлений, закреплённые в Особенной части УК РФ, содержат некоторые специфические критерии, которым должен соответствовать индивид для того, чтобы можно было на законных основаниях вести речь о привлечении такового к ответственности. Как правило, это критерии, обусловленные спецификой противоправного посягательства – его объективными и субъективными особенностями, исключающими возможность ограничиться при квалификации преступления (применительно к субъекту) лишь общими характеристиками главы 4 УК РФ.

Как верно указывается в науке, «для привлечения лица к ответственности за деяние, применительно к которому закон предусматривает дополнительные признаки, сверх общего перечня, необходимо наличие всех признаков – и общих, и дополнительных (специальных)» [70, с. 196].

Исходя из отмеченного, субъект отдельных преступлений (специальный субъект), в силу их особенностей, уже, чем субъект общий – именно за счёт наличия дополнительных признаков.

Например, отдельные противоправные посягательства могут быть произведены лишь лицом, определённого пола (ст. 131 УК РФ «Изнасилование» предполагает, что деяние может быть совершено лишь лицом мужского пола, в то время, как ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорождённого ребёнка», может быть совершено лишь лицом женского пола), что по данным составам резко ограничивает круг возможных субъектов, «отсекая» лиц иной половой принадлежности.

Если стоит вопрос о привлечении лица к ответственности за деяние, предусматривающее специального субъекта преступления, то отсутствие специальных признаков исключает ответственность за данное преступление по причине отсутствия специального субъекта.

В научных публикациях, ввиду отсутствия нормативного определения, приводятся авторские определения понятия субъекта преступления.

Авторский коллектив под редакцией А.В. Бриллиантова даёт следующее определение: «субъектом преступления является лицо, совершившее общественно опасное, запрещенное уголовным законом деяние и способное нести уголовную ответственность» [61, с. 26].

Довольно схожее с вышеприведённым выступает определение другого авторского коллектива: «это лицо, совершившее противоправное, общественно опасное деяние, способное нести за него уголовную ответственность» [62, с. 21].

Недостатком указанных подходов является простая констатация способности лица нести уголовную ответственность, но конкретизация понятиеобразующих признаков не даётся, ввиду чего за пределами понятия оказываются условия привлечения лица к уголовной ответственности за содеянное.

Ещё более поверхностными и краткими являются определения искомого понятия, сформулированные в других изданиях: «субъект преступления, т.е. физическое, вменяемое лицо, совершившее преступление» [63, с. 23]; «субъект преступления – это совершившее преступление вменяемое

физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом» [27, с. 32].

По сути, приводимые краткие определения дают некоторое представление об общем субъекте преступления, но не о субъекте преступления, как целостной категории, включающей в себя и общего и специального субъекта преступления.

Подобная общность в большинстве определений, содержащихся в учебниках и учебных пособиях, не прослеживается.

Гораздо более содержательным является авторское определение, обозначенное в учебнике под редакцией В.К. Дуюнова: «под субъектом преступления, понимается физическое лицо, которое совершило запрещённое уголовным законом общественно опасное деяние и обладало при этом предусмотренными законом юридическими признаками» [60, с. 50].

Как раз в вышеназванном определении понятия субъекта преступления присутствует указание на специальный субъект преступления, как входящего в содержание более общей по смыслу категории субъекта преступления вообще.

Есть и более содержательные авторские подходы: «субъектом преступления по российскому уголовному праву может быть человек, совершивший умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, если он достиг установленного возраста, вменяем, а в отдельных случаях также обладает некоторыми специальными признаками, указанными в соответствующей норме» [64, с. 31].

Таким образом, соединяя обозначенные авторские подходы, предлагается сформулировать искомые определения следующим образом.

Общий субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, виновно совершившее деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом.

Как уже было отмечено, категория «общий субъект преступления» соотносится с категорией «субъект преступления» как часть и целое, где последнее выступает целым, включая в себя как общего, так и специального субъекта.

В этой связи, субъект преступления – это физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, а также отвечающее специальным признакам, если таковые закреплены в соответствующей норме Особенной части УК РФ, виновно совершившее деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом.

Данное определение может быть нормативно закреплено законодателем в тексте ст. 19 УК РФ в следующем виде: «Уголовной ответственности подлежит только физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, а также отвечающее специальным признакам, если таковые закреплены в соответствующей норме Особенной части настоящего Кодекса».

Также необходимо отметить необходимость отличать друг от друга уголовно-правовое понятие «субъект преступления» и другие сходные, но, при этом, самостоятельные понятия. Речь идёт, в частности, о понятии «личность преступника», часто безосновательно смешиваемая с субъектом преступления.

Как верно отмечается в литературе, «понятие личности преступника включает биологическую и социально-психологическую характеристику лица, совершившего преступление» [63, с. 23].

Тогда как понятие «субъект преступления» включает в себя комплекс уголовно-правовых характеристик категории, достаточных для законного привлечения лица к уголовной ответственности за содеянное.

Верными следует считать выводы, к которым приходит в своей работе В.Н. Бурлаков: «Личность преступника как более емкое понятие – носитель самых различных сторон, положительных и отрицательных свойств, признаков и качеств лица, совершившего преступление. В этом случае мы уже

можем говорить о личности преступника как категории не уголовно-правовой, а криминологической» [12, с. 71].

Разные сферы научного исследования и правоприменения предопределяют самостоятельность и многоаспектность определения соответствующих понятий, несмотря на то, что в объективной действительности они сводятся к конкретной личности – многогранной и многоаспектной, которую можно анализировать в разных научных и практических плоскостях.

В частности, в криминологической науке уделяется внимание понятию «личность преступника», не идентичному понятию «субъект преступления», но имеющему значение и для правильной уголовно-правовой квалификации. Очевидно, что адекватный учёт личностных свойств лица, преступившего уголовно правовой запрет, имеет существенное значение для индивидуализации и конкретизации той формы уголовно-правового воздействия, которую целесообразно избрать государству в рамках реакции на совершённое конкретным лицом преступление.

В отдельных положениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [46], в частности, высшей судебной инстанцией указывается на необходимость учёта данных о личности виновного в контексте обоснования в итоговом процессуальном решении осуществлённого судом выбора вида и размера уголовного наказания (п. 27 и п. 28).

Этот подход отвечает принципу справедливости, имеющему определяющее значение для сущностной состоятельности обвинительного приговора суда первой инстанции.

П.С. Дагель в данном контексте, в своё время, правильно указывал: «понятие субъект преступления отвечает на вопрос, кто может нести ответственность за совершенное преступление. Понятие же личность преступника дает ответ, какую ответственность должно нести лицо, совершившее преступное деяние» [17, с. 15].

Современная уголовная практика показывает, что субъект конкретного преступления может рассматриваться как носитель определенной психологии, имеющей свои специфические особенности, приобретенные нравственные, правовые и этические ценности.

Соответственно, вышеназванные смежные научные определения целесообразно различать и использовать сообразно исследовательским, или же практическим задачам.

Что касается значения категории «субъект преступления», то его весьма сложно переоценить, с учётом места субъекта преступления в структуре состава преступления и той роли, что предопределяется направленностью уголовного преследования.

Рассмотрим значение анализируемой категории более предметно.

Субъект преступления – это обязательная составляющая состава преступления, выступающая базовым условием уголовной ответственности.

«Отсутствие в конкретном противоправном, по своей природе деянии, имевшем место в действительности, обязательных для конкретного состава противоправного посягательства признаков субъекта преступления, приводит к отсутствию состав преступления в целом» [47, с. 54] – верно указывается авторами.

Это имеет огромное значение ввиду наличия концептуальной состоятельности привлечения лица к наиболее серьёзной разновидности юридической ответственности.

Через категорию «субъект преступления» государство определяет, кто именно способен нести ответственность за совершение преступления, устанавливая, в частности, что ни при каких условиях, к данному виду ответственности нельзя привлечь организацию.

Исследователями верно отмечается, что «критерии, определяющие границу между возможностью и невозможностью быть привлечённым к уголовной ответственности соответствуют базовым принципам уголовного права: в частности, принципу справедливости. Совершенно очевидно, что

привлечение к уголовной ответственности и наказание малолетних или недееспособных не будут соответствовать обстоятельствам совершения преступления и личности виновного» [70, с. 197].

Отдельные признаки субъекта преступления позволяют провести разграничение сходных между собой деяний и осуществить правильную квалификацию преступления, обеспечив законное и обоснованное привлечение виновного к ответственности.

Также совершенно справедливым является тот факт, что «квалификация преступления по конкретному уголовному делу имеет принципиальное значение для решения всех существенных вопросов этого дела» [50, с. 15].

А такая может иметь место лишь при чётком определении субъекта преступления и обоснованном привлечении такового к ответственности в установленном законом порядке.

Только субъект, обладающий соответствующими критериями, может на законных основаниях отвечать перед государством за содеянное. Любые несоответствия между конструкцией субъекта преступления и лицом, привлекаемым к ответственности за конкретное преступление, влечёт негативные последствия для общества и государства.

Правильное определение ряда признаков специального субъекта преступления даёт возможность правоприменителю скорректировать свою реакцию на преступление, применив привилегированный состав преступления, или же применив соответствующее смягчающее обстоятельство, возможность применить которое есть лишь при определённых субъектных особенностях.

Отдельные субъектные характеристики обуславливают возможность (или невозможность) применения конкретных мер уголовно-правового характера, регулируя гибкость реакции государства на совершённое преступление.

Как правильно указывает В.К. Дуюнов, «идеи справедливости и неотвратимости уголовно-правового воздействия и цель предупреждения

новых преступлений требуют, чтобы государство, призванное регулировать и охранять наиболее важные общественные отношения от преступных посягательств, обязательно и адекватно реагировало на каждый случай нарушения уголовно-правовой нормы. Естественно, что реакция государства при этом должна быть различной – дифференцированной с учётом характера нарушения» [18 с. 53].

Например, только к лицу, не достигшему возраста совершеннолетия государство может применить предусмотренные ст. 90 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия, учитывая особые субъектные характеристики данных лиц, связанные с физиологической и психологической незрелостью и высокой социальной уязвимостью.

Выделение в рамках отдельных составов преступлений признаков специального субъекта даёт возможность для дифференцированного подхода к ответственности, исходя из социально значимых характеристик: например, вполне логична и справедлива реакция, обладающая большей репрессивностью в ситуациях, совершения противоправного деяния лицом, вопреки возложенным на него обязанностям, диктуемым профессиональной сферой или должностным положением.

С одной стороны, такие специальные признаки субъекта позволяют учесть повышенную общественную вредность преступного поведения такого субъекта, а с другой стороны обеспечить дополнительное превентивное воздействие, призывая лиц, реализующих определённую социально-значимую функцию, не совершать противоправных действий и надлежащим образом относиться к своим обязанностям.

В качестве примера можно привести положения ч. 2 ст. 150 УК РФ, предусматривающие в качестве квалифицированного и влекущего больший размер ответственности состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, совершённого его родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Аморальный характер совершения такого рода деяния лицом, на котором лежит высокая обязанность обеспечивать целостное и гармоничное развитие личности несовершеннолетнего, закономерно предопределяет ужесточение ответственности и наказания, что отвечает интересам общества и государства.

В рамках реализации отдельных законодательных новелл, законодатель формулирует признаки специального субъекта ряда противоправных действий в целях повышения эффективности борьбы с оргпреступностью. Такое законодательное решение предпринято в рамках создания отдельного специального субъекта – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Такой субъект подлежит уголовной ответственности как за создание преступного сообщества (преступной организации) и координацию его деятельности (ч. 4 ст. 210 УК РФ), так и за само фактическое пребывание в соответствующем уголовно-правовом статусе (ст. 210¹ УК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что значение субъекта преступления многогранно, распространяя свою роль на самые разные уголовно-правовые институты.

1.2 Взаимосвязь субъекта преступления с другими элементами состава преступления

Каждое противоправное посягательство, направленное на причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям (объекту уголовно-правовой охраны), признаётся преступным и наказуемым, лишь при наличии всех элементов состава преступления, включая центральный элемент – субъект преступления.

Как уже было ранее отмечено, лицо, которое совершило такое деяние, характеризуется в качестве субъекта преступления и относится к одному из таких элементов.

Закономерно, что субъект преступления не может существовать полностью обособленно – напротив, данный элемент состава преступления неразрывно связан с остальными элементами данной правовой конструкции, необходимой для квалификации уголовно наказуемого деяния.

А.М. Герасимов справедливо отмечает, что «в юридической теории структурные компоненты преступного деяния принято строго ограничивать рамками смысловой нагрузки термина состав. Не случайно ведь преступление, как основная разновидность уголовно-правового деликта, и состав преступления ученым сообществом традиционно относится к разряду смежных и взаимосвязанных юридических дефиниций. Вместе с тем законодатель не стремится к их отождествлению. Наряду с распространенным термином «преступление», некоторые уголовно-правовые нормы и положения целенаправленно оперируют понятием состава преступления (ст. 8, ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 31, примечание к ст. 126 УК РФ и др.). Особую значимость приобретает то обстоятельство, что содержащее признаки состава преступления деяние официально признается единственным основанием уголовной ответственности» [14, с. 187].

Безусловно, в настоящее время существуют некие противоречия в понимании состава преступления в теории уголовного права, однако, его законодательное закрепление предопределяет состав преступления в качестве основания уголовной ответственности, о чём свидетельствует содержание ст. 8 УК РФ.

А.М. Герасимов отмечает, что «...состав преступления и преступление соотносятся как «часть и целое». Состав преступления включает группу закрепленных в уголовном законе криминообразующих признаков, отражающих характер общественной опасности соответствующего деяния. Юридически значимые признаки преступления, остающиеся вне состава преступления, характеризуют степень общественной опасности учиненного деяния. В своей совокупности состав преступления в сочетании с обстоятельствами учиненного деяния и личностью виновного образуют

преступление, обладающее конкретными характером и степенью общественной опасности» [14, с. 188].

Состав любого преступления включает четыре взаимосвязанных элемента:

- объект преступления;
- субъект преступления;
- объективная сторона преступления;
- субъективная сторона преступления.

Б.А. Осипян подчеркивает, что «для образования состава конкретного вида преступления действие или бездействие субъекта уголовного права и виновника правонарушения должно также иметь объективную причинную связь с вытекающими из него вредными последствиями, иначе деяние не составляет преступления» [41, с. 115].

Субъективная сторона отражает психологическое отношение лица к действию, которое он совершает и к последствиям такого действия – другими словами, отражает связь интеллектуальных и волевых качеств человека, преступающего уголовно-правовой запрет.

Причём, такие качества характеризуют поведение человека, выраженное во вне – в объективной действительности, что указывает на связь субъективной стороны с объективной стороной противоправного посягательства.

По мнению Б.А. Осипяна «как отдельный и важный элемент состава преступления, субъективная сторона того или иного вида преступления может иногда иметь самое решающее правовое значение для верной оценки конкретного противоправного и общественно опасного деяния в качестве преступного или не преступного действия, или бездействия. Для образования состава конкретного вида преступления действие или бездействие субъекта уголовного права и виновника правонарушения должно также иметь объективную причинную связь с вытекающими из него вредными последствиями, иначе деяние не составляет преступления» [41, с. 117].

В уголовно-правовой научной теории все элементы состава преступления тесно взаимосвязаны между собой. Так, объективная сторона преступления неразрывно связана с объектом посягательства, что находит своё выражение в преступных последствиях, то есть причинении вреда объекту уголовно-правовой охраны.

И, при этом, также с объективной стороной преступления тесно связан субъект преступления. Ведь именно субъект преступления, обладая соответствующими характеристиками, способен реализовать объективную сторону деяния.

Это наиболее ярко прослеживается в ситуациях, при которых состав преступления предусматривает специального субъекта.

Без обладания соответствующими качествами (например, полномочиями должностного лица), конкретный человек просто не сможет реализовать объективную сторону конкретного преступления – например, предусмотренного ст. 290 УК РФ «Получение взятки», поскольку такого рода деяние предполагает использование соответствующих полномочий, выступающих своего рода инструментом для достижения преступного результата.

В своем исследовании А.М. Герасимов указывает, что «законодатель далеко не случайно в диспозициях уголовно-правовых норм делает акцент на объективных и субъективных признаках преступных деяний. По смыслу уголовного закона именно конкретное деяние, имеющее объективную и субъективную составляющие, образует содержание состава преступления. В этом можно убедиться, обратившись к ст. 8 УК РФ, оперирующей фразой «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления». При этом немаловажно подчеркнуть, что уголовно-правовое понятие деяния (действия или бездействия) рассматривается в состоянии статики. Согласно ст. 9 УК РФ преступное деяние устанавливается на строго определенный момент, который ограничивает состав преступления во времени. Совершенное

преступное деяние в известной мере абстрагируется от предыдущего и дальнейшего поведения субъекта» [14, с. 189].

Связь субъективной стороны преступления с субъектом преступления – очевидна, в силу того, что в субъективной стороне проявлено психическое отношение лица к совершённомu деянию, весь комплекс внутренних процессов, происходящих у субъекта преступления в связи с реализацией объективной стороны посягательства.

Как подчёркивает Е.В. Булыгина, «процесс формирования объективной стороны деяния происходит под влиянием воли и сознания лица и представляет собой воплощение такой воли в объективную действительность. Они отражают содержание психического отношения лица к содеянному» [11, с. 22].

В конечном итоге, именно субъект преступления является центром, сосредотачивающим на себе все остальные элементы состава преступления. Всё, чего касаются субъективные и объективные элементы состава преступления, проявляется лишь через субъект преступления, а не существуют абстрактно.

Они, большей частью, есть результат воли и конкретных действий (конкретного бездействия) субъекта преступления. Лишь объект преступления, понимаемый как общественные отношения, которым причиняется вред при совершении преступления, существует объективно – вне зависимости от того, посягают на него, или же нет.

При этом, лишь когда происходит совершение противоправного посягательства и приводится в действие механизм, связующий во едино все элементы состава преступления через центральный элемент – субъекта преступления, объект преступления подвергается воздействию и предопределяет в связи с этим необходимость реакции государства на содеянное.

Подводя итоги первой главы работы, посвящённой общей характеристике категории «субъект преступления» в российском уголовном праве, сформулируем следующие выводы.

Правовое закрепление понятия «субъект преступления» в положениях уголовного законодательства не произведено, что вызывает сожаление.

На основе обозначенных в исследовании авторских подходов, предлагается сформулировать искомое определение следующим образом: субъект преступления – это физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, а также отвечающее специальным признакам, если таковые закреплены в соответствующей норме Особенной части УК РФ, виновно совершившее деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом.

Данное определение может быть нормативно закреплено законодателем в тексте ст. 19 УК РФ в следующем виде: «Уголовной ответственности подлежит только физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, а также отвечающее специальным признакам, если таковые закреплены в соответствующей норме Особенной части настоящего Кодекса».

Значение категории «субъект преступления» весьма сложно переоценить, с учётом места субъекта преступления в структуре состава преступления и той роли, что предопределяется направленностью уголовного преследования.

Через категорию «субъект преступления» государство определяет, кто именно способен нести ответственность за совершение преступления, устанавливая, в частности, что ни при каких условиях, к данному виду ответственности нельзя привлечь организацию.

Правильное определение ряда признаков специального субъекта преступления даёт возможность правоприменителю скорректировать свою реакцию на преступление, применив привилегированный состав преступления, или же применив соответствующее смягчающее

обстоятельство, возможность применить которое есть лишь при определённых субъектных особенностях.

Выделение в рамках отдельных составов преступлений признаков специального субъекта даёт возможность для дифференцированного подхода к ответственности, исходя из социально значимых характеристик: например, вполне логична и справедлива реакция, обладающая большей репрессивностью в ситуациях, совершения противоправного деяния лицом, вопреки возложенным на него обязанностям, диктуемым профессиональной сферой или должностным положением.

Именно субъект преступления является центром, сосредотачивающим на себе все остальные элементы состава преступления. Всё, чего касаются субъективные и объективные элементы состава преступления, проявляется лишь через субъект преступления, а не существуют абстрактно. Они, большей частью, есть результат воли и конкретных действий (конкретного бездействия) субъекта преступления.

Глава 2. Анализ признаков общего и специального субъекта преступления в российском уголовном праве

2.1 Характеристика признаков общего субъекта преступления

Как следует из комплекса нормативных положений действующего УК РФ, касающихся субъекта преступления, из всего спектра личностных, социальных, психологических, профессиональных и иных качеств, применительно к субъекту противоправных действий, в УК РФ обозначены только те и них, что обуславливаются необходимостью обеспечения законного привлечения виновного к уголовной ответственности и индивидуализации его наказания.

С учётом понимания субъекта преступления, основанного на нормах главы УК РФ, к числу признаков субъекта преступления, правомерно относить:

- физическое лицо;
- достижение возраста уголовной ответственности;
- вменяемость.

Рассмотрим данные уголовно-правовые признаки субъекта преступления более подробно.

Физическое лицо.

Как отмечается в науке, «в настоящее время представляется очевидным, что ни животное, ни неодушевленные предметы не могут совершать преступления» [64, с. 32].

В нашем государстве только физическое лицо – человек, обладающий разумом и свободной волей, может выступать субъектом уголовной ответственности и нести таковую при совершении преступления. Коммерческие и некоммерческие организации, государственные учреждения и любые другие институты гражданского общества не могут, в соответствии с концептуальными основами отечественного уголовного права, нести

ответственность за совершение преступления, хотя в отдельных научных публикациях звучат подобные предложения, основанные на правовых установлениях ряда зарубежных государств. В отдельных странах Европы есть основанная на законе практика привлечения корпоративных лиц к уголовной ответственности.

Даже если деятельность корпоративного субъекта причиняет вред объекту преступления, комплекс действий, образующих объективную сторону деяния, а также комплекс субъективных характеристик преступления, реализуются лишь конкретными физическими лицами, пусть и находящимися в трудовых или иных отношениях с организацией. Из этого исходит отечественный законодатель.

В Дании, Бельгии, Исландии, Франции быть субъектом уголовно наказуемого деяния может быть не только коммерческая структура, но и органы государственной власти и местного самоуправления, что основано на иных подходах к определению субъекта противоправного посягательства.

Таким образом, преступление в той форме, в которой оно определяется в ч. 1 ст. 14 УК РФ, может быть реализовано в объективной реальности лишь конкретным человеком. Только конкретное физическое лицо можно по приговору суда законно подвергнуть уголовно-правовому воздействию.

Достижение возраста уголовной ответственности.

«Уголовно-правовая теория, так и законодательство различных правовых систем, включая существующую в нашей стране, наступление уголовной ответственности связывают с возрастом субъекта преступления» [16, с. 109] – обоснованно указывается в публикациях.

Общие границы, определяющие возрастные рамки субъекта преступления находят своё отражение в ст. 20 УК РФ. Исходя из отмеченного законодателем в указанной норме, нести уголовную ответственность, лица могут лишь, начиная с возраста 16 лет. Это общий возраст субъекта преступления. Но это не является нижней границей возраста субъекта преступления, применительно к отдельным его составам.

Осознание общественной опасности и противоправности посягательства, связанного с рядом тяжких преступлений, доступно и лицам, имеющим более юный возраст, в связи с чем в отношении субъектов некоторых тяжких преступлений ответственность наступает с возраста 14 лет.

Как пишет Л.Д. Гаухман, «УК РФ, при этом, не включает в себя специальную статью, которая предусматривала бы понятие возраста – УК РФ только указывает на возрастные границы наступления уголовной ответственности, в том случае, когда лицо совершает противоправное деяние» [13, с. 22].

До фактического момента достижения минимальной возрастной границы, считать физическое лицо субъектом преступления недопустимо. Из подобного посыла исходит не только нормативное регулирование, но и концепция отечественного уголовного права.

Следует отметить, что как в отечественной уголовно-правовой науке, так и в науке и практике зарубежных государств, не сложился единый взгляд на ту возрастную границу, преодолев которую, лицо однозначно приобретает способность осознавать значение своих действий и руководить ими.

Более того, само понимание того, что следует считать «возрастом» также отсутствует. Ряд авторов выдвигает свои варианты понимания данного понятия.

Как считает Г.И. Щукина, «возрастом принято называть период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протекании» [72, с. 3].

«Понятие возраста, например, можно употреблять в законе чаще всего в одном смысле – как указание на количество прожитого человеком времени, а основаниями уголовной ответственности являются сам физический возраст и способность в момент совершения преступления регулировать свое поведение» [26, с. 34] – пишут другие авторы.

Одно из самых приемлемых для задач, связанных с толкованием признаков субъекта преступления, выступает понятие Н.Г. Андрюхина: «В

широком смысле под возрастом подразумевается календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а в узком смысле возраст – это указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения» [3, с. 20].

«Понятие общих признаков субъекта преступления, таких как возраст и вменяемость, связаны с характеристикой интеллектуально-волевого отношения к действиям и последствиям» [29, с. 86] – данное утверждение Н.Ф. Кузнецовой сложно не поддержать.

Но, при этом, человек проявляет сознание и волю, в разном объеме, на разных этапах формирования личности. О каком же именно объеме проявления волевых свойств должна идти речь?

Очевидно, что вести речь о возрасте, как критерии общего субъекта преступления, правомерно только к проявлению сознательных и волевых качеств личности при нарушении уголовно-правового запрета.

Однако, даже понимание оптимального диапазона, в пределах которого лицо получает возможность осознавать значение своего поведения и руководить своей волей, не отличается единообразием.

Условно, в отдельных публикациях ведут речь о возрастном диапазоне с 11 до 15 лет, поскольку «именно в этот временной промежуток взросления можно охарактеризовать скоротечным интеллектуальным и волевым развитием личности, что позволяет индивиду соотносить свои побуждения и действия с социальными нормами поведения» [51, с. 49].

В уголовном праве зарубежных государств также нет единого подхода в данном аспекте.

«В некоторых странах минимальная возрастная граница устанавливается на уровне 13 лет, когда речь идет о совершении преступлений, представляющих повышенную общественную опасность (в ряде штатов США, Франции, Узбекистане и др.), с 14 лет (в Болгарии, КНДР,

Норвегии, Румынии, Японии, большинстве стран СНГ и т.д.). В ряде скандинавских стран (Дании, Финляндии, Швеции) возраст уголовной ответственности предусмотрен с 15 лет. Однако в законодательствах большинства государств уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступление, наступает по общему правилу с 16 лет» [42, с. 265] – пишет В.Г. Павлов.

С точки зрения психологических исследований, специалисты склонны считать, что «период с 14 до 16 лет является определенной физиологической ступенью в созревании любого человека и что к 14 годам он способен к умозаключениям и может регулировать свое поведение» [48, с. 362].

Но текущие биологические и социальные процессы ставят на повестку дня вопрос о снижении возраста уголовной ответственности. Всё больше противоправных посягательств совершается несовершеннолетними, что приводит авторов к выводу о том, что «при достижении подростком 12-13-летнего возраста он в состоянии реально, осознанно и взвешенно оценивать свое поведение и поступки и может выбирать, и прогнозировать, в некотором смысле, варианты своего поведения в объективной действительности, а также последствия своих действий в той или иной конкретной ситуации» [19, с. 90].

В этой связи всё чаще звучат мнения о потребности законодательной корректировки нижней границы возраста уголовной ответственности, а именно – снижении порогового значения, что позволит привлекать подростков к уголовной ответственности с более раннего возраста.

Л.Г. Литвяк и М.А. Геворгян говорят о «снижении существующего возраста привлечения к уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений до 12-13-лет» [32, с. 33].

Данный взгляд отражает закономерности современных реалий и может приниматься во внимание. Действительно, в современных условиях многие дети активно вступают в социальные взаимодействия с раннего возраста, получая тот социальный опыт, который позволяет осознавать важные социально-правовые характеристики противоправного поведения.

Если возраст 12 лет и может вызывать определённые сомнения, то возрастная граница 13 лет, что лишь на один год меньше нормативно установленной, представляется адекватной.

Таким образом, в ч. 2 ст. 20 УК РФ следует внести изменение, заменив оборот «лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста» на «лица, достигшие ко времени совершения преступления тринадцатилетнего возраста».

Не только определение нижней возрастной границы вызывает вопросы у теоретиков, но и определение верхней границы возраста субъекта преступления вызывает дискуссию.

В частности, Л.В. Боровых предлагает «нормативно закрепить особый механизм реализации уголовной ответственности престарелых в связи с совершением преступления» [10, с. 15].

Сомнительность такого утверждения очевидна, в силу неоднозначности определения и толкования престарелого возраста, а также разницы в физическом состоянии и здоровье разных людей, пусть и одного возраста.

По сути, данная проблема, с учётом её специфики, перетекает из возрастной плоскости, в плоскость психических процессов, что, как верно указывается О.Д. Ситковской, «сводит на нет установление верхнего возрастного предела, поскольку вопрос переходит на уровень вопроса о вменяемости» [51, с. 117].

Лишь состояние здоровья конкретного лица, привлекаемого к уголовной ответственности в престарелом возрасте может обусловить потребность в производстве судебно-экспертного исследования, направленного на определение вменяемости. Предопределение неспособности лица быть субъектом уголовной ответственности по достижению какого-либо возраста безосновательно.

Вменяемость.

Быть привлечённым к самому суровому виду юридической ответственности может только вменяемый индивид.

При этом, «вменяемость – это такое состояние психики человека, при котором он в момент совершения общественно опасного деяния был способен осознавать характер своего поведения и руководить им. Имеется в виду не только понимание фактической значимости своих поступков, но и их социальную значимость и при этом сознательно руководить своими действиями, что свойственно только психически здоровым и умственно полноценным людям» [37, с. 42] – пишет Р. Мустаханов.

«Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть, не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства или иного болезненного состояния психики» (ст. 21 УК РФ).

«Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 21 УК РФ).

Рассматриваемая выше норма содержит законодательное определение понятия невменяемости.

Оценка категории невменяемости происходит в науке исходя из двух критериев:

- медицинского (биологического),
- юридического (психологического).

Юридический критерий относится к судебской компетенции. Именно суд вправе в рамках правовой оценки субъекта, совершившего противоправное деяние, определить, что данное лицо не может в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими.

Юридический критерий неразрывно связан с медицинским, так как лишь через призму физиологических отклонений, вызванных неким болезненным

состоянием, суд может признать и закрепить на правовом уровне вышеназванную неспособность осознавать значение своих действий и руководить ими.

Таким образом, констатация отсутствия вменяемости субъекта, совершившего противоправное посягательство, может быть произведена лишь на основе единства определения медицинского и юридического критериев.

«Невменяемость устанавливается ретроспективно и соотносится со временем совершения общественно опасного деяния. Последующее выздоровление лица не является основанием для привлечения его к уголовной ответственности» [38, с. 61] – отмечается в науке.

Рассмотрим медицинский и юридический критерии невменяемости более подробно.

Медицинский критерий невменяемости. Данное название рассматриваемый критерий получил не случайно, так как он основан на медицинском понятийном аппарате, разработанным в области психиатрии.

«Законодателем в обобщённом виде дан исчерпывающий перечень различных формы болезненных расстройств психической деятельности, которые могут сопровождаться утратой способности лица отдавать себе отчёт в своих действиях или руководить ими: хронические психические расстройства, временные психические расстройства, слабоумие, иное болезненное состояние психики» [34, с. 12] – пишут по данному поводу исследователи.

Невменяемость обуславливается психическими заболеваниями (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, паранойя и т.д.), которые достаточно сложны в плане своих проявлений и характеризуются современной медициной, как сложноизлечимые.

Юридический критерий невменяемости включает в себя интеллектуальный и волевой аспект.

В силу интеллектуального аспекта, у субъекта отсутствует способность к осознанию фактического характера и общественной опасности своих

действий (бездействия), а в силу волевого аспекта, у субъекта отсутствует способность руководить своими действиями.

«Расстройство интеллекта, как правило, вызывает и расстройство воли – лицо не может руководить своими поступками. Однако бывают случаи, когда лицо отдаёт лицу в своих действиях, то есть осознаёт характер своего поведения, но в силу болезненного состояния не может руководить своими действиями. Например, такие состояния возникают у людей, страдающих наркоманией в период наркотического голодания. Лицо хорошо осознаёт преступность своего поведения при хищении или вымогательстве наркотических средств, но при этом не способно сдерживать себя вследствие глубокого поражения сферы воли, вызванного наркотической зависимостью» [4, с. 72] – пишут по данному вопросу в ряде научных публикаций.

Для признания лица невменяемым требуется наличие одного из признаков юридического критерия в сочетании с одним из признаков медицинского критерия.

Как пишет И.Л. Кудрявцев, «вполне разумно и закономерно предусматривать нормативную возможность привлекать к ответственности лиц, имеющих психические расстройства, которые не исключают вменяемость» [28, с. 108].

«1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности.

2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера» (ст. 22 УК РФ).

«Введение нормы об ограниченной вменяемости вызвано существующей юридической, пенитенциарной и клинико-психологической реальностью в виде широкой распространённости в сфере права лиц с психическими аномалиями (пограничными психическими расстройствами),

лимитирующими, но не лишаящими субъекта преступления полностью возможности регулирования своего поведения» [6, с. 40] – так характеризуют введение данной нормы в научных публикациях.

Такой взгляд на определение вменяемости позволяет производить необходимую дифференциацию противоправных действий.

«Юридический критерий ограниченной вменяемости – неполная мера осознания фактического характера и общественной опасности действий (бездействия) и руководить ими. Наличие юридического критерия ограниченной вменяемости, как и в случае установления невменяемости, полностью зависит от наличия медицинского критерия. Медицинский критерий ограниченной вменяемости образуют, прежде всего, нарушения в интеллектуальной и эмоционально-волевой сфере, не позволяющие в полной мере осознавать свои поступки и руководить ими» [31, с. 149] – пишут Л.Г. Литвяк и С.К. Абрамян.

Спецификой ограниченной вменяемости, исходя из буквального толкования, является сохранение способности лица, несмотря на наличие психического расстройства, осознавать значение своих действий и, соответственно, нести за них ответственность. Но границы вменяемости существенно уже, чем у психически здоровой личности.

«Наличие медицинского критерия ограниченной вменяемости как психического заболевания и юридического критерия как способности хоть и не в полной мере, но осознавать свои действия (бездействие), руководить ими обуславливают возможность привлечения лица к уголовной ответственности» [49, с. 207] – пишет М.Ю. Рыпунов.

Подобного плана расстройство психики, как правило, не является болезнью, но является аномальным для здорового организма процессом и характеризуются дисбалансом сил возбуждения и торможения.

Поскольку причины такого рода состояний могут быть разнообразными, они не перечислены нормативно, в отличие от заболеваний, влекущих

возможность признания субъекта невменяемым – такие заболевания конкретны и численно ограничены известными в психиатрии болезнями.

По словам М.Ю. Милаевой, «к психическим состояниям аномального типа следует, в частности, относить типы характера – холерический и меланхолический, а также невроты, психопатии. К аномальным психическим процессам относятся временные психические развития, которые, однако, нарушают баланс процессов возбуждения и торможения. Некоторые из таких аномальных процессов нашли отражение в перечне обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ). Это, например, беременность, при которой женщина зачастую бывает обуреваема приступами агрессии, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, что может вызвать состояние аффекта и другие» [33, с. 53].

Таким образом, мы проанализировали нормативные признаки, так называемого, общего субъекта преступления. Именно указанный перечень критериев позволяет определить, что лицо, совершившее преступление, соответствуя им, по общему правилу, будет являться субъектом преступления.

Но в самых разных составах преступлений, обозначенных в Особенной части УК РФ, законодатель предусматривает ответственность для специального субъекта – более узкой категории, наделённой специфическими свойствами, обуславливающими возможность нести уголовную ответственность за определённые противоправные деяния. Рассмотрим обозначенную категорию.

2.2 Понятие специального субъекта преступления в российском уголовном праве

Категория «специальный субъект преступления» активно используется в науке в контексте определения лица, возможность несения уголовной ответственности которого связывается с наличием у него комплекса критериев, предусмотренных конкретным составом преступления Особенной

части УК РФ, выходящих за границы общего субъекта преступления (физическое лицо, возраст, вменяемость).

Таким образом закономерно, что отсутствие у лица, совершившего деяние, по объективным признакам соответствующее диспозиции статьи УК РФ, содержащей состав преступления со специальным субъектом, специального признака (признаков) позволяет вести речь о невозможности считать такое лицо субъектом рассматриваемого преступления и привлекать его к ответственности, если, конечно, его действия не подпадают под признаки преступления, предусмотренного другой уголовно-правовой нормой с общим субъектом преступления.

В уголовно-правовой науке о признаках специального субъекта преступления говорят, как о признаках факультативного плана, что не вполне точно. Дело в том, что они факультативны (т.е. являются дополнительными, не основными) для общего субъекта преступления, а не состава преступления, инкриминируемого лицу. Признаки специального субъекта, закреплённые в диспозиции статьи, предусматривающей уголовную ответственность за конкретное деяние, являются обязательными, применительно к вопросу квалификации данного преступления.

Другими словами, «применительно к конкретизированному в УК РФ деянию специальные признаки виновного будут выступать как необходимые и не могут нивелироваться. В логическом процессе квалификации преступления признак специального субъекта иногда выявляется прежде, чем возраст и вменяемость» [64, с. 35].

Заметим, что определение понятийного аппарата, связанного с субъектом преступления, нуждается в своём закреплении, поскольку отсутствие столь востребованных практикой понятий порождает двоякость толкования и не идёт на пользу реализации задач повышения эффективности противодействия преступности в стране.

Таким образом, при уголовно-правовой квалификации деяния со специальным субъектом преступления требуется установление специальных

признаков, определённых в соответствующей уголовно-правовой конструкции.

Дополнительный признак, характеризующие специального субъекта преступления, выступает, как правило, составообразующим – т.е., в силу наличия такого признака законодателем выделен конкретный состав преступления – ориентированный именно на специальный субъект.

Однако, такой признак может быть выделен в рамках состава преступления с общим субъектом и определять квалифицированный, или даже особо квалифицированный состав преступления. Речь идёт о ситуациях, когда совершение преступления лицом, обладающим специальными признаками, повышает общественную опасность противоправного деяния и обуславливает соответствующую реакцию со стороны государства.

В меньшем числе правовых конструкций, признак специального субъекта не усиливает ответственность, создавая квалифицированный состав преступления, а наоборот – создаёт привилегированное положение для субъекта преступления, обуславливая более мягкий подход со стороны правоприменителя.

Классическим примером будет являться состав преступления, закреплённый в ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорождённого ребёнка», где уголовно-правовая санкция за содеянное обладает меньшим репрессивным потенциалом, чем общая уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за, так называемое, «простое убийство» (ст. 105 УК РФ).

Значение уголовно-правовой категории специального субъекта преступления очень весомо, так как обуславливает возможность суда в максимальной степени дифференцировать ответственность и индивидуализировать меры уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления.

Как пишет Ю.В. Тарасова, «анализ уголовного законодательства показывает, что существует достаточно много норм, которые в качестве

квалифицирующего признака учитывают именно специальный субъект преступления» [58, с. 47].

Именно применительно к специальному субъекту есть возможность подойти максимально конкретно, беря во внимание не только набор критериев общего субъекта преступления, но ряд специальных качеств, которые создают основу самого посягательства, или же повышают его общественную опасность.

При привлечении к уголовной ответственности специального субъекта преступления, как указывается в науке, «обезличенность в подходе к личности преступника несколько отступает на задний план, а на переднем плане возникают максимально индивидуализированные специфические особенности субъекта преступления, предопределяющие характер и степень общественной опасности содеянного» [2, с. 27].

Определения понятия специального субъекта весьма похожи друг с другом и отличаются лишь в ряде авторских акцентов.

«Субъекта преступления, который помимо физической природы, необходимого возраста и вменяемости характеризуется каким-либо дополнительным признаком, принято называть специальным» [62, с. 25].

В рассматриваемой дефиниции понятия базовая характеристика определена весьма размыто, что является недостатком определения.

По мнению других специалистов, «специальным субъектом преступления признается лицо, которое помимо основных признаков субъекта преступления должно обладать еще и дополнительным признаком, указанным в диспозиции статьи Особенной части УК РФ» [61, с. 28].

Как представляется, определение специального субъекта преступления должно быть основано на общем представлении о субъекте преступления, как более общей категории и содержать в себе соответствующую специфику.

Таким образом, его можно сформулировать следующим образом: специальный субъект преступления – физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости, а также специальным признакам, которые

закреплены в инкриминируемой ему норме Особенной части УК РФ, без соответствия которым лицо не может нести уголовную ответственность за содеянное.

Как уже было обозначено, в рамках реализации отдельных законодательных новелл, законодатель формулирует признаки специального субъекта ряда противоправных действий в целях повышения эффективности борьбы с оргпреступностью, что весьма востребовано реалиями современного общества и государства.

Такое законодательное решение предпринято в рамках создания отдельного специального субъекта – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Такой субъект подлежит уголовной ответственности как за создание преступного сообщества (преступной организации) и координацию его деятельности (ч. 4 ст. 210 УК РФ), так и за само фактическое пребывание в соответствующем уголовно-правовом статусе (ст. 210¹ УК РФ).

Данное нормативное решение о создании реализовано в нормах действующего УК РФ с принятием Федерального закона от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ [67].

С учётом значимости данной законодательной новеллы, рассмотрим далее вопросы, связанные с историко-социальными предпосылками подобного решения законодателя, а также особенностями определения понятия лидера преступной иерархии, как специального субъекта преступления, сформулировав подходы к разрешению проблем, связанных с привлечением такого субъекта к уголовной ответственности.

По итогам второй главы исследования, посвящённой анализу признаков общего и специального субъекта преступления в российском уголовном праве, определим следующие выводы.

Применительно к критериям, характеризующим общего субъекта преступления, в определённой корректировке нуждается нижняя возрастная граница наступления уголовной ответственности. Существующее пороговое значение целесообразно снизить, что позволит привлекать подростков к

уголовной ответственности с более раннего возраста. Возрастная граница 13 лет, что лишь на один год меньше нормативно установленной, представляется адекватной.

В уголовно-правовой науке о признаках специального субъекта преступления говорят, как о признаках факультативного плана, что не вполне точно. Дело в том, что они факультативны (т.е. являются дополнительными, не основными) для общего субъекта преступления, а не состава преступления, инкриминируемого лицу. Признаки специального субъекта, закреплённые в диспозиции статьи, предусматривающей уголовную ответственность за конкретное деяние, являются обязательными, применительно к вопросу квалификации данного преступления.

Значение уголовно-правовой категории специального субъекта преступления очень весомо, так как обуславливает возможность суда в максимальной степени дифференцировать ответственность и индивидуализировать меры уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления.

Как представляется, определение специального субъекта преступления должно быть основано на общем представлении о субъекте преступления, как более общей категории и содержать в себе соответствующую специфику.

Таким образом, его можно сформулировать следующим образом: специальный субъект преступления – физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости, а также специальным признакам, которые закреплены в инкриминируемой ему норме Особенной части УК РФ, без соответствия которым лицо не может нести уголовную ответственность за содеянное.

Глава 3 Проблемы, связанные с определением понятия и привлечением к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления

3.1 Историко-социальные основания правовой регламентации статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии

В современных условиях наблюдается ежегодный рост зарегистрированных преступлений, которые совершаются организованными группами и преступными сообществами.

По данным отчета Министерства внутренних дел РФ «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года» [55] видно, что организованными группами или преступными сообществами было совершено 21400 тяжких и особо тяжких преступлений.

Рост по сравнению с прошлым аналогичным периодом был на 26,5%. В отчете отмечается, что их удельный вес в общем числе расследованных преступлений данных категорий возрос с 7,8% в январе-декабре 2020 г. до 9,3%.

Безусловно, организованные формы преступной деятельности до сих пор остаются наиболее сложными для выявления и успешного расследования правоохранительными органами.

При этом, организованная преступность является сложным феноменом социального характера, проникшим в разные сферы жизни социума: политическую, экономическую, культурную и т.д.

В своей научной работе Ю.А. Клименко отмечает, что «институт соучастия в преступлении пользуется репутацией самого сложного и запутанного в уголовном праве с середины XIX в., с момента зарождения отечественной юридической науки. С тех пор положение вещей мало изменилось: соучастие по-прежнему представляет собой феномен, сложный

для понимания, причем трудности возникают не только при толковании норм уголовного закона, но и при уяснении соответствующих положений уголовно-правовой доктрины. Учение о соучастии традиционно написано непростым языком, изобилует специальными терминами и на сегодняшний день не в полной мере обеспечивает достижение поставленной перед ним задачи – разъяснить институт соучастия студентам, практикующим юристам и законодателю. Это в полной мере относится и к квалификации действий организатора преступления» [23, с. 119].

Безусловно, нормативное решение законодателя ввести в текст действующего УК РФ нового специального субъекта преступления в виде лица, занимающего высшего положения в преступной иерархии, есть результат длительной эволюции соответствующего социально-правового явления.

Таким образом, прежде, чем определить понятие лидера преступной иерархии и нормативных особенностей предпринятых законодателем изменений в данной сфере, необходимо рассмотреть историко-социальные предпосылки правовой регламентации статуса лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Безусловно, преступная иерархия, является разновидностью социальной иерархии – важной составляющей жизнедеятельности социума. Социальная иерархия в целом, определяет социальное положение членов общества, в контексте любых форм значимого социального взаимодействия.

Как отмечают С.В. Сухов и А.А. Тирских, «Криминальное сообщество не является исключением и имеет свою особенную иерархию, на вершине которой находятся преступные лидеры» [57, с. 63].

В историческом прошлом существовали организованные формы преступной деятельности в виде разного рода «шак» и «банд», но ярко выраженной организационной составляющей они не имели, функционируя автономно, не взаимодействуя друг с другом и не консолидируя усилия членов

организованных групп, созданных для совершения различных противоправных действий.

«В дореволюционный период в России отмечается тенденция роста преступности и повышения профессионализма преступников, происходит четкое разделение преступников по видам специализации» [57, с. 64] – пишут специалисты.

Определённые изменения в данном аспекте начались с реформированием организации исправительной системы России во второй половине XIX столетия, что выразилось, в том числе, в консолидации представителей криминальной среды.

Уже к началу XX столетия стала формироваться определённая преступная иерархия среди осуждённых к лишению свободы и каторжным работам.

Тем не менее, это не приводило к связыванию представителей криминальной среды формальными обязательствами и не порождало формирование своего рода правил поведения представителей преступного мира, а значит – статусная роль лиц, осуществляющих определённые руководящие функции в преступной среде, пока не была в должной мере проявлена, но были заложены наиболее общие основы её формирования в дальнейшем.

Формирование свода правил поведения криминальных элементов, как указывается специалистами, началось уже после Октябрьской революции 1917 г. Данные правила синтезировали в себе реалии существовавшей на тот момент социальной системы и пропагандировали беззаветное следование так называемым «воровским идеям». «Воровской закон» отличался ярко выраженной антисоциальной и нигилистической направленностью, выражая противопоставление представителя криминальной среды обычным рядовым советским гражданам, что находило отражение в запретах заниматься общественно-полезным трудом, добровольно вступать в контакты с органами государственной власти и т.д.

Лица, следовавшие данным правилам социального поведения, принявшие на себя лидерские обязанности, применительно к преступному миру, стали именовать себя «ворами в законе». Считается, что данные процессы обозначились в 20-30 годы XX столетия.

В.А. Бессонов, А.А. Дягилев в своих исследованиях указывают, что «самая распространенная версия появления «воров в законе» относит нас к советской России в 20-30 годах XX века. Смещение «старой» дореволюционной и «новой» советской криминальных элит способствовало появлению криминальных авторитетов. Российское общество было расколото, его оппозиционная часть пыталась привлечь на свою сторону не только недовольных, но и профессиональных преступников» [8, с. 43].

Авторы отмечают, что «в результате появился новый тип криминального лидера, привнесшего с собой в преступный мир политическую подоплеку, рассматривавшего совершение преступлений не только как способ личного обогащения, но и как способ политической, классовой борьбы, попытку подрыва устоев новой, формирующейся власти. Новый тип преступников стали называть «жиганами», как правило, они возглавляли небольшие преступные группы, часто сформированные из молодежи, массово и активно привлекали к совершению преступлений беспризорников. Данные преступные группы действовали параллельно с традиционными преступными формированиями, не вливаясь в них, а зачастую ведя преступную деятельность без оглядки на их интересы» [8, с. 43].

В дальнейшем, в 30-е годы XX века институт воров в законе получил последующее развитие. В.А. Бессонов, А.А. Дягилев указывают на то, что «в силу политических процессов, происходивших в данный период в стране, количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, многократно возросло. Осознавая всю опасность концентрации такой массы осужденных, руководство Главного управления лагерей совместно с Главным политическим управлением приступило к разработке мер оперативного контроля за лицами, находящимися в местах лишения свободы» [8, с. 45].

Уже в 40-е годы XX века, как указывает М.М. Шакирьянов, практически вся «лагерная жизнь» подчинялась воровскому сообществу [69, с. 8].

В 50-х годах XX века появилась тенденция развенчания культа воров в законе. Такую деятельность разворачивала администрация исправительных учреждений. В рамках таких целей был сформирован специальные лагеря строгого режима или тюрьмы. Таким образом, начала строиться работа по борьбе с преступными лидерами.

Следующий шаг для развенчания культа воров в законе стало получение подписки о прекращении преступного образа жизни. Такие отказы быстро распространялись в средствах массовой информации [8, с. 45].

В результате происходил определённый распад преступных сообществ в местах лишения свободы.

В 1961 г. было разработано новое Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР [66], предусматривающее введение нового особого режима, что можно рассматривать в качестве очередного шага к ликвидации воров в законе, с учётом специфики режима отбывания наказания.

Данные меры оказались результативными и снизили общее число приверженцев воровской идеологии, выполняющих руководящие функции в криминальной среде.

К началу 70-х годов XX столетия, воров в законе, как руководящий элемент криминальной субкультуры, стали восстанавливать своё влияние. Этому стала способствовать распространение тюремной субкультуры и антисоциальных установок среди населения.

В последней четверти XX столетия, как указывают С.В. Сухов и А.А. Тирских, «произошло окончательное формирование организованных преступных кланов нового типа, которые объединили в себе профессиональных преступников, представителей теневой экономики, покровительствующих им чиновников самого высокого уровня и коррумпированных сотрудников правоохранительных структур.

Профессиональные криминальные группировки, возглавляемые ворами в законе, также окончательно заполнили свою социальную нишу» [57, с. 70].

К концу 90-х годов XX века, «институт воров в законе стал постепенно легализовываться. Теперь, не скрывая своего богатства, воры стали вкладывать преступные финансовые средства в легальный бизнес, приобретать недвижимость, пакеты акций предприятий, становясь особой, элитной категорией профессиональных преступников» [57, с. 70].

Противодействие организованной преступности является сложной задачей, ввиду слаженности функционирования организованных преступных групп и их руководителей, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Активное и достаточно эффективное противодействие привлечению лиц, виновных в участии в организованных формах преступной деятельности со стороны преступного сообщества, актуализировал поиск путей нормативного и организационного совершенствования работы в данном направлении.

Современным результатом такой работы стало формирование комплекса уголовно-правовых норм, создающих нормативную основу для привлечения к уголовной ответственности ключевых лиц, противоправная деятельность которых создаёт организационное единство и придаёт вектор деятельности преступных сообществ – реальных действительных лидеров преступной иерархии.

Далее, уделим внимание непосредственному определению и толкованию соответствующей терминологии, обозначенной в нормах действующего УК РФ, в контексте принятых законодательных новелл, связанных с уголовным преследованием лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

3.2 Понятие лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления

Упомянутая ранее новелла, которая состоит в обозначении в нормах Особенной части УК РФ специального субъекта, именуемого «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии», изначально стала остродискуссионной и её актуальность не снизилась даже спустя несколько лет с появления обозначенного нормативного изменения.

Не может не привлечь внимание исследователя краткость формулировки ст. 210¹ УК РФ – диспозиция рассматриваемой статьи, как верно отмечается исследователями, «полностью совпадает с её названием» [44, с. 502].

Такой приём законодательной техники не является желательным, поскольку не предполагает детализации используемого законодателем оборота.

Действительно, федеральный законодатель не предпринял никаких шагов для уточнения введённой в текст уголовного закона категории – нововведение никак не уточнено. Более того, в законе нет правовых признаков обозначенного специального субъекта преступлений, предусмотренных ст.ст. 210 и 210¹ УК РФ.

Насколько целесообразно детальное определение введённой в уголовный закон категории? Вопрос риторический и вполне очевидный – если законодатель выделил нового специального субъекта для поступательного усиления борьбы с оргпреступностью, значит в число его задач должно входить обеспечение правоприменителю единой и непротиворечивой основы для привлечения соответствующей категории лиц к уголовной ответственности, облегчая выявления и эффективное доказывание по уголовным делам в отношении реальных лидеров криминальной среды.

Базовым элементом нормативной основы такой работы является определение соответствующего понятийного аппарата. Используемые законодателем категории должны адекватно и единообразно восприниматься

правоприменителем, как в лице органов дознания и предварительного следствия, занимающихся выявлением и предварительным расследованием данного рода преступлений, так и судов, призванных непосредственно разрешить данные уголовные дела по существу, обеспечив неотвратимость мер уголовно-правового воздействия.

На данном этапе уголовному закону необходимо однозначное научное определение лица, привлечение к ответственности которого законодатель криминализировал в ст. 210¹ УК РФ.

По сути, в анализируемой уголовно-правовой новелле ответственность специального субъекта – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, наступает за нахождение субъекта в данном статусе, столь стихийно включённом в текст УК РФ, что предопределяет точному определению такого субъекта особое место, ведь вполне понятно, что, не имея представления о том, кто может рассматриваться в качестве лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, а кого в таком статусе рассматривать не правомерно, невозможно обеспечить законное уголовное преследование.

По мнению И.В. Смольковой, «состав преступления представляет собой законодательное описание преступления. При оформлении составов законодатель всегда исходит из сущности и содержания общественно опасного деяния, что выражается в формулировках составов» [54, с. 72].

Соответственно, состав преступления являет собой совокупность конструктивных признаков, но таковые отсутствуют в ст. 210¹ УК РФ – она является чрезмерно лаконичной.

По мнению П.А. Скобликова, «разработчики законопроекта сознательно ввели в оборот оценочное понятие с тем, чтобы его конкретное наполнение определялось с учетом складывающейся криминологической обстановки» [52, с. 106].

Но такой шаг не отвечает идее конкретизации уголовно-правового запрета – общество и каждый его член должен достоверно знать, исходя из

текста норм уголовного закона, за что и при каких обстоятельствах может наступить уголовная ответственность.

Для применения рассматриваемой уголовно-правовой новеллы на практике необходимо, как минимум, научное уяснение конструктивных составляющих статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. По сути, используемый законодателем оборот не является уголовно-правовым – это понятие, имеющее отношение к положениям криминологической науки.

Более того, сама диспозиция уголовно-правовой нормы вызывает множество вопросов как с точки зрения теории, так и с практической точки зрения.

В этой связи, следует согласиться с А.Н. Мондохоновым в том, что «основной проблемой применения рассматриваемой новеллы уголовного закона является ее криминологическая составляющая, которая не имеет однозначного толкования и требует формирования обширной судебной практики» [36, с. 182].

Использование в тексте УК РФ неоднозначных категорий не создаёт необходимой чёткости. При этом, законодатель, используя в конструкции анализируемой нормы оборот «преступная иерархия», лишь преумножил двоякость понимания, поскольку ясность в вопросе того, что есть «преступная иерархия» также отсутствует.

В одном из словарей русского языка С.И. Ожегова под категорией «иерархия» понимается «порядок подчинения низших (чинов, должностей и т.д.) высшим» [40, с. 206].

Сходно определяется иерархия в толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова: «порядок подчинения низших высшим по точно определённым степеням, градации» [59, с. 446].

Таким образом, иерархия предполагает чёткий порядок подчинения «по вертикали», в соответствии с установленной, применительно к конкретной иерархии, структурой. О какой же иерархической структуре идёт речь?

«Согласно доктрине преступная иерархия – это система отношений, сложившихся в преступном сообществе (преступной организации) у лиц, придерживающихся криминальной (воровской) идеологии» [68, с. 133] – пишут в этой связи.

В научной среде, как правило, имеется в виду «тюремная иерархия», но нельзя согласиться с предварительным выводом об идентичности данного оборота категории «преступная иерархия», несмотря на наличие смежных граней.

Как верно отмечает Г.В. Пережогина, «определение преступной иерархии выходит за рамки пенитенциарных учреждений и является более широким и включающим большое количество участников, связей и функций. Для определения понятия «преступная иерархия» необходимо изучение как особенностей тюремной иерархии, так и иных явлений, свидетельствующих о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии» [43, с. 44].

Резонно полагать, что конкретный субъект может стать лидером преступной иерархии и не пребывая в соответствующем «тюремном статусе». Данным статусом субъект может быть наделён членами преступного сообщества.

А.В. Куракин и А.Н. Сухаренко также подчёркивают, что «по содержанию преступная иерархия шире тюремной, поскольку влияет на поведение членов преступного сообщества и вне мест лишения свободы» [30, с. 29].

Таким образом, можно заключить, что используемый в УК РФ оборот «преступная иерархия» выступает в качестве более широкого, что приводит, ввиду отсутствия конкретизации понятия, к абстрактности границ субъективных границ статуса лидера преступной иерархии.

В многочисленных научных статьях авторами предпринимаются авторские попытки определить содержание искомого понятия.

А.Я. Гришко считает, что «лидер преступной иерархии – это «лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели,

доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде [15, с. 86].

При этом, автор ставит знак равенства между анализируемым оборотом и оборотом «вор в законе».

А.В. Шеслер также полагает, что «такими лидерами следует считать воров в законе – лиц, обладающих организационно-распорядительными функциями и безоговорочным авторитетом у носителей криминальной (воровской) идеологии, соблюдающих правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим» [71, с. 115].

Как следует из текста Апелляционного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 51-АПУ18-4 [5], «вор в законе» – это лицо, занимающее высшее положение в криминальной иерархии, в связи с чем обладает непререкаемым авторитетом в криминальном мире со всеми его представителями, находящимися ниже его самого. Применительно к рассматриваемой апелляционной жалобе, Судебной коллегией Верховного Суда РФ указано, что подтверждением того, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, может выступать: «осуществление организационных и управленческих функций в отношении преступного сообщества и его участников; подбор и вербовка руководителей входящих в его состав структурных подразделений, а также контроль за их действиями; планирование и координация деятельности преступной организации и т.д.».

В публикациях указывается: «Статус вора в законе предполагает наличие у его носителя, кроме всего прочего, функций руководителя (координатора) уголовной среды. Такие лица создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и перераспределением (присвоением) преступных доходов, руководят преступными действиями лиц, занимающих иное положение в иерархии преступного сообщества» [35, с. 56].

В этой связи представляется обоснованным вывод Н.С. Беркумбаева и А.Р. Егорова о том, что под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует понимать «лицо, занимающееся организаторской деятельностью (координация, налаживание связей, построение структуры и системы членства, применение мер по сохранению устойчивости, поддержанию дисциплины) и (или) формированием, распределением денежных средств внутри преступного сообщества либо финансированием преступной деятельности» [7, с. 419].

Обобщая рассмотренные выше и проанализированные подходы в определении анализируемого специального субъекта преступления, можно резюмировать, что в рассматриваемом статусном положении может выступать: физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и возрастным требованиям, а также обладающее организационно-распорядительными (координирующими) функциями применительно к носителям криминальной идеологии, соблюдающим правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим.

Внесение ясности в вопросе определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, может быть произведено путём уточнения диспозиции данной уголовно-правовой нормы, или же, как минимум, путём дополнения соответствующим определением действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [45].

3.3 Проблемы привлечения к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления

Отсутствие нормативного определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, есть только одна из проблем, связанных с несовершенством нормативного регулирования и комплекса сложностей

привлечения к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ. Это обуславливается тем, что состав рассматриваемого уголовно наказуемого деяния в целом содержит ряд проблемных аспектов.

К сожалению, судебное толкование на данный момент не содержит исчерпывающих ответов на возникающие у правоприменителя вопросы.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 24 постановления от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [45] выразил свою позицию, адресованную нижестоящим судам, в вопросе установления занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Для этого судам рекомендовано выяснить, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией); по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами; по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе. О лидерстве такого лица в преступной иерархии могут свидетельствовать и связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Исходя из того, что Пленум Верховного Суда РФ анализирует вопрос толкования квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, вопрос определения лидерства лица в преступной иерархии сводится к содержанию преступных действий лица в данном специальном статусе.

Но в рамках новой ст. 210¹ УК РФ ответственность специального субъекта наступает в связи с фактическим наличием анализируемого статуса, что является важным и весьма дискуссионным аспектом данного специфического состава преступления.

В соответствии со ст. 8 УК РФ, единственным основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, а не, так называемое в уголовно-правовой науке, «опасное состояние личности».

В этой связи, Н.Г. Кадников резонно замечает, что «дополнение УК РФ ст. 210¹ является фактически признанием того, что наряду с деянием, содержащим признаки состава преступления, основанием уголовной ответственности признается и опасное состояние личности. В этом смысле просматривается переход к положениям социологической школы уголовного права» [21, с. 53].

Как обоснованно указывается В.А. Новиковым, «высшее положение в преступной иерархии лицо занимает не по причине руководства организованной группой, бандой или преступной организацией, а вследствие особого статуса в криминальном мире, который формируется в течение всей жизни и обусловлен множеством обстоятельств» [39, с. 113].

Так за что именно надлежит осуществлять привлечение к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ? Проанализируем отдельные элементы объективной и субъективной стороны рассматриваемого деяния.

В отдельных публикациях специалисты обращают внимание на неоднозначность в вопросе толкования оборота «занятие высшего положения в преступной иерархии». П.А. Скобликов пишет о том, что «под занятием высшего положения в преступной иерархии с позиций грамматического толкования диспозиции статьи 210¹ УК РФ можно понимать как состояние человека, так и процесс достижения такого состояния» [53, с. 147].

В одном случае ответственность лица наступает за то, что лицо заняло высшее место в преступной иерархии (за достижение данного результата), а во втором случае – за то, что пребывает в данном статусе неопределённое время (за обладание данным статусом).

Как верно в этой связи отмечает В.Г. Степанов-Егиянц, «в первом случае имеет место однократное событие, а во втором – длящееся деяние» [56, с. 60].

А.В. Катанов и Р.Р. Румянцева также считают, что «объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, образует деятельность, связанная с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии» [22, с. 58].

Следует согласиться с выводами П.В. Агапова, Н.В. Сальникова и С.В. Кондратюка о том, что «занятие лицом высшего положения в преступной иерархии следует рассматривать в совершении действий, направленных на приобретение лицом в процессе инициации иными статусными лицами криминальной среды высшего положения в преступном мире и получение в связи с этим статуса, подразумевающего осуществление деятельности по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступной среды, а также удержание указанного положения посредством пребывания лица в соответствующем статусе и осуществления обусловленных им полномочий» [1, с. 52].

То есть, ключевой составляющей объективной стороны анализируемого состава преступления выступает способ совершения деяния, установление которого имеет важное квалифицирующее значение.

Таким образом, с точки зрения объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, занятие высшего положения в преступной иерархии можно охарактеризовать рядом взаимосвязанных этапов. С.В. Кондратюк выделяет следующие этапы: подготовительный; исполнительский; завершающий [25, с. 196].

Анализ научных мнений по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что подготовка к занятию высшего положения в преступной иерархии включает в себя действия по подбору и предварительному обсуждению кандидатуры претендента на данную роль. После подбора и утверждения претендента иницируется процедура присвоения лицу анализируемого специального статуса.

Подобная процедура, как указывается исследователями, «носит обрядовый характер и осуществляется лицами, обладающими возможностью,

в соответствии с устоявшимися традициями преступных сообществ, определять положение иных лиц в иерархии преступного мира» [20, с. 35].

Таким образом, представителями преступного мира на специальном собрании (так называемой, «воровской сходке») осуществляется обсуждение выдвинутой кандидатуры, после чего соответствующее лицо решением статусных лидеров после проведения ритуальной процедуры («крещения» или «коронации») утверждается в обозначенном статусе.

Под «воровской сходкой» в анализируемом аспекте следует понимать «неформальное собрание авторитетных членов высшей иерархии воровского мира, необходимым атрибутом которой является присутствие нескольких статусных лидеров, ранее прошедших подобную инициацию» [9, с. 15].

В содержание завершающего этапа присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии, как отмечается С.В. Кондратюком, входит «выполнение данным лицом действий по подтверждению приобретенного статуса, например, путем организации и участия в совершении новых преступлений. Также необходимым элементом завершающего этапа является распространение соисполнителями среди неопределенного круга заинтересованных лиц сведений о признании лица-претендента преступным лидером» [25, с. 196].

Все действия рассматриваются, как составляющие единого целого, что не позволяет нам считать деяние окончанным, если какой-либо из элементов отсутствует.

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется виной в форме умысла, так как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, сознательно стремится к обладанию обозначенным статусом – желает этого, или сознательно допускает.

Так как диспозиция анализируемой уголовно-правовой нормы ст. 210¹ УК РФ не содержит указания на факультативные признаки субъективной стороны преступления, таковые (например, мотив и цель деяния) не имеют квалифицирующего значения. Их значение может учесть суд при

индивидуализации уголовного наказания, применительно к конкретному лидеру преступной иерархии.

Таким образом, следует рекомендовать включить в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [45] соответствующие разъяснения, которые бы дали возможность правоприменителю, при отсутствии внятных нормативных ориентиров, правильно квалифицировать деяние, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ и обеспечить законное привлечение виновных к ответственности.

Завершая анализ вопросов, входящих в содержание третьей главы работы, сформулируем следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование существующего регулирования.

Проведенное исследование позволило выделить историко-социальные основания правовой регламентации лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Безусловно, преступная иерархия, является разновидностью социальной иерархии – важной составляющей жизнедеятельности социума.

Определённая преступная иерархия стала формироваться лишь во второй половине XIX столетия, складываясь в своего рода прообраз современного состояния проблемы. На протяжении XX века формировалась криминальная субкультура и оформлялись правила социального поведения лиц, принявших на себя лидерские обязанности, применительно к преступному миру.

Противодействие формированию касты лидеров преступной иерархии, или воров в законе было не последовательным и противоречивым.

Противодействие организованной преступности является сложной задачей, ввиду слаженности функционирования организованных преступных групп и их руководителей, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Активное и достаточно эффективное противодействие привлечению лиц, виновных в участии в организованных формах преступной деятельности со стороны преступного сообщества, актуализировал поиск путей нормативного и организационного совершенствования работы в данном направлении.

Современным результатом такой работы стало формирование комплекса уголовно-правовых норм, создающих нормативную основу для привлечения к уголовной ответственности ключевых лиц, противоправная деятельность которых создаёт организационное единство и придаёт вектор деятельности преступных сообществ – реальных действительных лидеров преступной иерархии.

Тем не менее, законодатель, выделив нового специального субъекта в виде «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» для поступательного усиления борьбы с оргпреступностью, но не определил его понятие. Сама используемая конструкция ст. 210¹ УК РФ также далека от совершенства.

Для применения рассматриваемой уголовно-правовой новеллы на практике необходимо, как минимум, научное уяснение конструктивных составляющих статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Обобщая рассмотренные выше и проанализированные подходы в определении анализируемого специального субъекта преступления, можно резюмировать, что в рассматриваемом статусном положении может выступать:

физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и возрастным требованиям, а также обладающее организационно-распорядительными (координирующими) функциями применительно к носителям криминальной идеологии, соблюдающим правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим.

Внесение ясности в вопросе определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, может быть произведено путём уточнения диспозиции данной уголовно-правовой нормы, или же, как минимум, путём дополнения соответствующим определением действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

Также следует рекомендовать включить в вышеназванное Постановление Пленума Верховного Суда РФ соответствующие разъяснения, которые бы дали возможность правоприменителю, при отсутствии внятных нормативных ориентиров, правильно осуществить квалификацию деяния, которое предусмотрено ст. 210¹ УК РФ и обеспечить законное привлечение виновных лидеров преступной иерархии к уголовной ответственности за содеянное.

Заключение

В заключении работы сформулируем ключевые выводы.

Правовое закрепление понятия «субъект преступления» в положениях уголовного законодательства не произведено, что вызывает сожаление.

На основе обозначенных в исследовании авторских подходов, предлагается сформулировать искомое определение следующим образом: субъект преступления – это физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, а также отвечающее специальным признакам, если таковые закреплены в соответствующей норме Особенной части УК РФ, виновно совершившее деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом.

Данное определение может быть нормативно закреплено законодателем в тексте ст. 19 УК РФ в следующем виде: «Уголовной ответственности подлежит только физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и минимальным возрастным требованиям, а также отвечающее специальным признакам, если таковые закреплены в соответствующей норме Особенной части настоящего Кодекса».

Значение категории «субъект преступления» весьма сложно переоценить, с учётом места субъекта преступления в структуре состава преступления и той роли, что предопределяется направленностью уголовного преследования.

Через категорию «субъект преступления» государство определяет, кто именно способен нести ответственность за совершение преступления, устанавливая, в частности, что ни при каких условиях, к данному виду ответственности нельзя привлечь организацию.

Правильное определение ряда признаков специального субъекта преступления даёт возможность правоприменителю скорректировать свою реакцию на преступление, применив привилегированный состав преступления, или же применив соответствующее смягчающее

обстоятельство, возможность применить которое есть лишь при определённых субъектных особенностях.

Выделение в рамках отдельных составов преступлений признаков специального субъекта даёт возможность для дифференцированного подхода к ответственности, исходя из социально значимых характеристик: например, вполне логична и справедлива реакция, обладающая большей репрессивностью в ситуациях, совершения противоправного деяния лицом, вопреки возложенным на него обязанностям, диктуемым профессиональной сферой или должностным положением.

Именно субъект преступления является центром, сосредотачивающим на себе все остальные элементы состава преступления. Всё, чего касаются субъективные и объективные элементы состава преступления, проявляется лишь через субъекта преступления, а не существуют абстрактно. Они, большей частью, есть результат воли и конкретных действий (конкретного бездействия) субъекта преступления.

Применительно к критериям, характеризующим общего субъекта преступления, в определённой корректировке нуждается нижняя возрастная граница наступления уголовной ответственности. Существующее пороговое значение целесообразно снизить, что позволит привлекать подростков к уголовной ответственности с более раннего возраста. Возрастная граница 13 лет, что лишь на один год меньше нормативно установленной, представляется адекватной.

В уголовно-правовой науке о признаках специального субъекта преступления говорят, как о признаках факультативного плана, что не вполне точно. Дело в том, что они факультативны (т.е. являются дополнительными, не основными) для общего субъекта преступления, а не состава преступления, инкриминируемого лицу. Признаки специального субъекта, закреплённые в диспозиции статьи, предусматривающей уголовную ответственность за конкретное деяние, являются обязательными, применительно к вопросу квалификации данного преступления.

Значение уголовно-правовой категории специального субъекта преступления очень весомо, так как обуславливает возможность суда в максимальной степени дифференцировать ответственность и индивидуализировать меры уголовно-правового воздействия в связи с совершением преступления.

Как представляется, определение специального субъекта преступления должно быть основано на общем представлении о субъекте преступления, как более общей категории и содержать в себе соответствующую специфику.

Таким образом, его можно сформулировать следующим образом: специальный субъект преступления – физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости, а также специальным признакам, которые закреплены в инкриминируемой ему норме Особенной части УК РФ, без соответствия которым лицо не может нести уголовную ответственность за содеянное.

Проведенное исследование позволило выделить историко-социальные основания правовой регламентации лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Безусловно, преступная иерархия, является разновидностью социальной иерархии – важной составляющей жизнедеятельности социума.

Определённая преступная иерархия стала формироваться лишь во второй половине XIX столетия, складываясь в своего рода прообраз современного состояния проблемы. На протяжении XX века формировалась криминальная субкультура и оформлялись правила социального поведения лиц, принявших на себя лидерские обязанности, применительно к преступному миру. Противодействие формированию касты лидеров преступной иерархии, или воров в законе было не последовательным и противоречивым.

Противодействие организованной преступности является сложной задачей, ввиду слаженности функционирования организованных преступных групп и их руководителей, занимающих высшее положение в преступной

иерархии. Активное и достаточно эффективное противодействие привлечению лиц, виновных в участии в организованных формах преступной деятельности со стороны преступного сообщества, актуализировал поиск путей нормативного и организационного совершенствования работы в данном направлении.

Современным результатом такой работы стало формирование комплекса уголовно-правовых норм, создающих нормативную основу для привлечения к уголовной ответственности ключевых лиц, противоправная деятельность которых создаёт организационное единство и придаёт вектор деятельности преступных сообществ – реальных действительных лидеров преступной иерархии.

Тем не менее, законодатель, выделив нового специального субъекта в виде «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» для поступательного усиления борьбы с оргпреступностью, но не определил его понятие. Сама используемая конструкция ст. 210¹ УК РФ также далека от совершенства.

Для применения рассматриваемой уголовно-правовой новеллы на практике необходимо, как минимум, научное уяснение конструктивных составляющих статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Обобщая рассмотренные выше и проанализированные подходы в определении анализируемого специального субъекта преступления, можно резюмировать, что в рассматриваемом статусном положении может выступать: физическое лицо, отвечающее требованию вменяемости и возрастным требованиям, а также обладающее организационно-распорядительными (координирующими) функциями применительно к носителям криминальной идеологии, соблюдающим правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим.

Внесение ясности в вопросе определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, может быть произведено

путём уточнения диспозиции данной уголовно-правовой нормы, или же, как минимум, путём дополнения соответствующим определением действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)».

Также следует рекомендовать включить в вышеназванное Постановление Пленума Верховного Суда РФ соответствующие разъяснения, которые бы дали возможность правоприменителю, при отсутствии внятных нормативных ориентиров, правильно осуществить квалификацию деяния, которое предусмотрено ст. 210¹ УК РФ и обеспечить законное привлечение виновных лидеров преступной иерархии к уголовной ответственности за содеянное.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапов П.В., Сальников Н.В., Кондратюк С.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49-55.
2. Акинина Н.Ю., Анисимов В.Ф., Брендт А.А. Учёт характеристик личности преступника-правонарушителя при организации профилактической деятельности // Российский следователь. 2019. № 9. С. 27-29.
3. Андрюхин Н.Г. Минимальный возрастной признак субъекта преступления нуждается в уточнении // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2 (34). С. 19-25.
4. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии. М. : Наука, 1987. 215 с.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 51-АПУ18-4 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
6. Аргунов Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 37-40.
7. Беркумбаев Н.С., Егоров А.Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 143-422.
8. Бессонов В.А., Дягилев А.А. «Вор в законе» как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4 (52). С. 42-47.
9. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11-16.

10. Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 1993. 320 с.
11. Булыгина Е.В. Взаимосвязь элементов состава преступления // Скиф. 2017. № 14. С. 21-23.
12. Бурлаков В.Н. Уголовное право и личность преступника. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 473 с.
13. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЮрИнфоР, 2003. 513 с.
14. Герасимов А.М. Соотношение структурных элементов преступления и состава преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 186-192.
15. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 84-88.
16. Гумасова М. Проблема личности преступника // Сборник научных статей студентов юридического факультета СКФ РПА Минюста России. Вып. 18. Махачкала, 2012. С. 107-110.
17. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. 190 с.
18. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М.: Научная книга, 2003. 520 с.
19. Зеленова Е.И. Возраст субъекта преступления как основание уголовной ответственности // Актуальные проблемы юриспруденции и психологии: материалы международной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (21-25 апреля г.). Краснослободск, 2014. С. 88-93.
20. Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33-35.

21. Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 50-55.

22. Катанов А.В., Румянцева Р.Р. Проблемы определения общественной опасности деяния, предусмотренного статьей 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Середина. Вологда, 2019. С. 57-61.

23. Клименко Ю.А. Организатор преступления: вопросы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 119-128.

24. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 38 с.

25. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

26. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 36 с.

27. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М. : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. 416 с.

28. Кудрявцев И.Л. Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995. № 5. С. 106-110.

29. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 259 с.

30. Куракин А.В., Сухаренко А.Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 28-31.

31. Литвяк Л.Г., Абрамян С.К. Уголовно-правовое значение невменяемости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 148-150.

32. Литвяк Л.Г., Геворгян М.Э. Проблема снижения возрастных пределов уголовной ответственности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 6. Т. 6. Ч. 2. С. 32-33
33. Милаева М.Ю. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве: спорные вопросы и их решения // Е-SCIO. 2020. № 12 (51). С. 52-62.
34. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). М., 1995. 223 с.
35. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53-57.
36. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 182-184.
37. Мустаханов Р. Вопросы ограниченной вменяемости по Уголовному праву // Законность. 1998. № 7. С. 42-44.
38. Назаренко Г.В. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право. 1993. № 3. С. 60-65.
39. Новиков В.А. Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовой аспект // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 108-120.
40. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Рус. яз., 1987. 797 с.
41. Осипян Б.А. Понятие, признаки и элементы состава преступления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2016. Т. 18. № 2. С. 110-120.
42. Павлов В.Г. Признаки субъекта преступления в уголовном праве скандинавских стран и Финляндии // Тез. докл. междунар. 13-й конгр. по изучению истории, экономики, права, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1997. С. 264-265.

43. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43-48.

44. Пикин И.В., Тараканов И.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности уголовно-правовой квалификации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 500-509.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2010.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017.

47. Рогожин А.А. Особенности специального субъекта преступления // Евразийский Союз Учёных. 2020. № 10-8 (79). С. 54-55.

48. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1999. 620 с.

49. Рыпунов М.Ю. Соотношение понятий вменяемости и невменяемости в уголовном праве // Современные проблемы юридической науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 4-5 мая 2012 г.) В 2-х частях. Ч. II. Челябинск, 2012. С. 205-209.

50. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учебное пособие. М. : Проспект, 2011. 80 с.

51. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. 290 с.

52. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 104-119.

53. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210¹ УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.

54. Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение: Монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 220 с.

55. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/?ysclid=19f97hidrk334070700> (дата обращения: 03.10.2022 г.)

56. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57-61.

57. Сухов С.В., Тирских А.А. Исторический аспект возникновения преступных лидеров // Проблемы правового регулирования деятельности правоохранительных органов. 2009. № 3 (50). С. 62-70.

58. Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления как квалифицирующий признак состава преступления // Научный портал МВД России. 2008. № 1. С. 47-52.

59. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. / под ред. Д.Н. Ушакова. - М. : Вече, 2001. 704 с.

60. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. - М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.

61. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. - М. : Проспект, 2015. 1184 с.

62. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. - М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с.

63. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. - М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. 560 с.

64. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М. : Статут, 2012. 879 с.

65. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

66. Указ Президиума ВС РСФСР от 09.09.1961 г. № 154/3 «Об утверждении «Положения об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

67. Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СЗ РФ. 2019. № 14 (часть I). Ст. 1459.

68. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132-137.

69. Шакирьянов М.М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 240 с.

70. Шаназарова Е.В., Савельева О.Е., Лапшина Н.А. Специальный субъект преступления в современном уголовном законодательстве: проблемы теории и правоприменительной практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 195-200.

71. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110-123.

72. Щукина Г.И. Возрастные особенности школьника. Л., 1995. 288 с.

73. Ялин А. Субъект преступления как условия уголовной ответственности // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 50-56.